

УДК 332.14

<https://doi.org/10.25587/2587-8778-2026-3-65-82>

Оригинальная научная статья

Креативная экономика арктических регионов России: диагностика структурных дисбалансов и направления региональной политики

А. В. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

г. Якутск, Российская Федерация

✉ av.mikhailova@s-vfu.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена дисбалансом между компонентами креативной экономики в арктических регионах Российской Федерации: культурные и социально-экономические предпосылки, а также институты поддержки часто не соответствуют реальному масштабу креативных индустрий, фиксируемых статистикой. Интегральные оценки отражают общий уровень развития, при этом не раскрывается конфигурация дисбаланса. Цель статьи – провести диагностику структурных дисбалансов креативной экономики в арктических регионах России на основе сопоставимых статистических данных и обосновать дифференцированные направления региональной политики. Материалами исследования послужили нормированные региональные показатели восьми арктических субъектов Российской Федерации из Рейтинга креативных регионов России, а также действующие нормативные и стратегические документы. Методика основана на сопоставлении четырех компонентов регионального профиля и дисбалансов между ними: «инфраструктура поддержки – экономика», «культурная среда – экономика», «социально-экономические условия – экономика», а также расчет амплитуды структурной асимметрии. Сравнительный анализ структурных дисбалансов проведен на основе сопоставления нормированных компонентов Российского регионального индекса креативных индустрий (РРИКИ) для восьми арктических регионов России. Выявлено, что среднее значение блока «экономика креативных индустрий» заметно ниже аналогичных показателей по блокам «инфраструктура поддержки» и «культурная среда». На основе полученных данных выделены типы региональных профилей, которые различаются по характеру ограничений, сдерживающих экономическую реализацию креативного потенциала регионов. Результаты показывают, что различия между арктическими регионами Российской Федерации проявляются не только в общем уровне развития региона, но и в специфической конфигурации структурных дисбалансов. Практическая значимость исследования состоит в применении предложенной диагностики для выбора адресных инструментов региональной политики для арктических регионов Российской Федерации. Перспективным направлением дальнейших исследований является формирование панельных оценок по мере накопления сопоставимой региональной статистики развития креативных индустрий в арктических регионах России.

Ключевые слова: региональная экономика, региональные исследования, региональная экономическая политика, креативная экономика, креативные индустрии, Российская Арктика, структурные дисбалансы, культурная среда, инфраструктура поддержки, пространственное развитие

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Михайлова А.В. Креативная экономика арктических регионов России: диагностика структурных дисбалансов и направления региональной политики. *Экономика и природопользование на Севере*. 2026. № 3 (43). С. 65-82. DOI: 10.25587/2587-8778-2026-3-65-82

Original article

Creative economy of the Arctic regions of Russia: diagnosis of structural imbalances and directions of regional policy

Anna V. Mikhailova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,

Yakutsk, Russian Federation

✉av.mikhailova@s-vfu.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the imbalance between the components of the creative economy in the Arctic regions of the Russian Federation: cultural and socio-economic prerequisites, as well as support institutions often do not correspond to the real scale of the creative industries recorded by statistics. Integrated assessments reflect the overall level of development, while not disclosing the configuration of the imbalance. The purpose of the article is to diagnose the structural imbalances of the creative economy in the Arctic regions of Russia on the basis of comparable statistical data and to substantiate the differentiated directions of regional policy. The materials of the study were the normalized regional indicators of eight Arctic subjects of the Russian Federation from the Rating of Creative Regions of Russia as well as existing normative and policy instruments. The methodology was based on the comparison of four components of the regional profile and imbalances between them: “support infrastructure – economy”, “cultural environment – economy”, “socio-economic conditions – economy”, as well as the calculation of the amplitude of structural asymmetry. A comparative analysis of structural imbalances was based on a comparison of the normalized components of RRICI for the eight Arctic regions of Russia. It was revealed that the average value of the block “economy of creative industries” is noticeably lower than similar indicators for the blocks “support infrastructure” and “cultural environment”. On the basis of the data obtained, the types of regional profiles are distinguished, which differ in the nature of the restrictions that hinder the economic realization of the creative potential of the regions. The results show that the differences between the Arctic regions of the Russian Federation are manifested not only in the general level of development of the region, but also in the specific configuration of structural imbalances. The practical significance of the study lies in the application of the proposed diagnostics for the selection of targeted instruments of regional policy for the Arctic regions of the Russian Federation. A promising direction for further research is the formation of panel estimates as comparable regional statistics on the development of creative industries in the Arctic regions of Russia accumulate.

Keywords: regional economy, regional studies, regional economic policy, creative economy, creative industries, Russian Arctic, structural imbalances, cultural environment, support infrastructure, spatial development

Financing. The study did not have financial support.

For citation: Anna V. Mikhailova. Creative economy of the Arctic regions of Russia: diagnosis of structural imbalances and directions of regional policy. *Economy and Nature Management in the North*. 2026, No. 3 (43). Pp. 65-82. DOI: 10.25587/2587-8778-2026-3-65-82

Введение

В сентябре 2026 г. Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке обозначил креативную экономику как один из заметных элементов новой повестки развития Дальнего Востока. ВЭФ-2026 проходил 1–4 сентября под темой «Дальний Восток – развитие во благо людей». В его программу вошел Форум креативных индустрий, где обсуждались международная кооперация, инвестиции в интеллектуальную собственность, медиа, подготовка кадров и механизмы масштабирования креативных проектов. Отдельное внимание было уделено выходу дальневосточных брендов и творческих продуктов на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона [1]. Для региональной экономики это означает переход от преимущественно культурной трактовки креативных индустрий к их рассмотрению как инструмента предпринимательства, занятости, экспорта и территориальной привлекательности.

Эта форумная повестка получила нормативное продолжение: распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2026 г. № 2404-р утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года [2]. Документ ориентирован на формирование высокотехнологичной диверсифицированной экономики, модернизацию инфраструктуры и повышение качества жизни. Креативные индустрии включены в число новых направлений роста; предусматривается развитие сети креативных кластеров и пространств, а целевые ориентиры связывают расширение сектора с ростом занятости и укреплением человеческого капитала. Для Российской Арктики положения Стратегии непосредственно значимы прежде всего для Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, входящих одновременно в Арктическую зону Российской Федерации и Дальневосточный федеральный округ. Для остальных шести регионов выборки исследования – Республики Карелия, Архангельской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Мурманской области, Республики Коми и Ненецкого автономного округа – институциональный контекст определяется общими приоритетами развития Российской Арктики. Это позволяет рассматривать выборку в двух взаимосвязанных контекстах: дальневосточном для Якутии и Чукотки и общероссийском арктическом для остальных территорий.

Новая стратегическая рамка опирается на формирующуюся нормативную и статистическую инфраструктуру креативной экономики. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ закрепил понятия креативных индустрий и основные направления их государственной поддержки [3]. Приказ Минэкономразвития России от 25 июля 2025 г. № 487 установил методику расчета доли креативных индустрий в экономике через создаваемую ими валовую добавленную стоимость [4]. Тем самым задача измерения сектора становится частью официального мониторинга, а региональная политика нуждается не только в интегральной оценке уровня развития, но и в диагностике внутренних дисбалансов между условиями, культурным ресурсом, институтами поддержки и фактическим экономическим масштабом креативных индустрий.

Цель исследования – провести диагностику структурных дисбалансов креативной экономики в арктических регионах России на основе сопоставимых статистических данных и обосновать дифференцированные направления региональной политики.

Обзор литературы

Научная проблема исследования формируется в поле противоречия между стратегическим запросом на развитие креативной экономики и использованием методологии структурной диагностики, позволяющей перейти от интегрального ранжирования к адресной региональной политике. Для территорий российской Арктики такая диагностика особенно значима. Разреженность расселения, высокая стоимость транспортной связанности, ограниченная емкость локальных рынков и доминирование ресурсных отраслей делают прямой перенос агломерационных моделей недостаточным для северных территорий.

В отечественной научной литературе накоплен значительный задел исследований, раскрывающих различные аспекты территориального развития и креативной экономики в северных регионах. В статье А.Н. Пилясова анализируются четыре сценария эволюции системы государственной поддержки арктических и северных территорий, различающиеся составом территорий, включаемых в меры поддержки [5]. В.В. Земсков, В.И. Прасолов, Д.С. Худяков, А.И. Канашина и Е.А. Тимофеев рассматривают способы и методы оценки вклада Арктической зоны в экономическое развитие входящих в нее субъектов и страны в целом [6]. И.М. Потравный, М.А. Питухина и А.Д. Белых рассматривают развитие эт-

нотуризма как одно из направлений традиционной хозяйственной деятельности коренных народов Севера и оценивают его вклад в традиционный сектор арктической экономики [7]. А.В. Михайлова, А.В. Федорова, Н.Н. Петрова и Н.И. Петрова оценивают потенциал креативных индустрий российской Арктики [8]. А.В. Михайлова рассматривает ключевые детерминанты экосистемы креатосферы Арктики России [9]. Г.А. Карпова и А.В. Михайлова исследуют стратегии развития креативной экономики арктических территорий в логике Индустрии 6.0 [10]. Г.А. Карпова и А.В. Михайлова анализируют креативную экономику как фактор диверсификации социально-экономического развития Мурманской области [11]. А.В. Михайлова рассматривает арктическую креативную экономику в региональной экономике на примере Архангельской области [12]. А.П. Шихвердиев, А.А. Вишняков и Н.А. Оганезова анализируют эффективность государственных механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства на арктических территориях Республики Коми [13]. И.Н. Сокорнов сопоставляет существующие методики оценки креативных индустрий и предлагает направления их развития [14]. Вместе с тем в перечисленных работах структурное соотношение между компонентами регионального профиля не выступает самостоятельным предметом анализа, что и определяет исследовательскую задачу настоящей статьи.

Международная научная литература охватывает несколько направлений, релевантных постановке проблемы. В работе А.А. Батабьяла и Х. Беладии предметом анализа является влияние смены политической власти в креативном регионе на налоговую политику и экономические результаты [15]. Н. Даксбери, В. Дюррер и Р. Ситас рассматривают действия культурной политики и взаимодействие исследовательских и практических сообществ в контексте устойчивого городского развития [16]. М. Гидаже и С. Бхайде исследуют взаимосвязи интеллектуального капитала, «зеленых» инноваций, устойчивости и финансовых результатов креативных МСП Индии [17]. Х. Гун, Чж. Ю и Р. Хассинк изучают догоняющее развитие китайской индустрии онлайн-игр с учетом дифференцированных баз знаний [18]. Д. Гойя исследует маршалловские и джекобсовские внешние эффекты креативной специализации на данных Чили [19]. Л. Робертс и Дж. Лоу анализируют пространственные представления о креативных кластерах и роль программ R&D в креативном формировании мест [20].

Экологическое, арктическое и локально-сообщественное измерения представлены другой группой работ. М. Пююккёнен и К. Де Бёкелар рассматривают роль креативных индустрий в Антропоцене и концепцию «планетарной культурной политики» [21]. Д. Гритценко и Е. Ефимова проверяют применимость тезиса о «ресурсном проклятии» к российским арктическим регионам [22]. Ю. Лу и Дж. Цянь исследуют арт-ориентированную инициативу по возрождению сообщества деревни Бишань в Китае [23]. К. Рен, Г.Т. Йоханнессон, М.Х. Асгейрссон, С. Вудолл и Н. Рейгнер рассматривают развитие туризма в Гренландии через категорию связанности в условиях больших расстояний и ограниченной дорогостоящей доступности [24]. С. Суриянкиткаев и соавторы исследуют использование креативного туризма в общественно-ориентированном туризме для достижения целей устойчивого развития [25]. Л. Робертс, Дж. Лоу и С. Моретон анализируют взаимодействие университетов и креативной экономики через программы креативных R&D [26]. С. Ротюрье и Р. Бо исследуют влияние цифровых технологий на системы коренных и локальных знаний в Арктике [27]. Г. Сика, М. Палаццо, А. Микоцци и М.А. Ферри проводят библиометрический анализ взаимосвязи культурных и креативных индустрий и социальной инновации [28]. Ф. Вигано, Л. Ингланд и Р. Комуниан исследуют связи ремесла, дизайнера и деревообраба-

тывающей промышленности в креативной экосистеме Южного Тироля [29]. Такая систематизация намеренно ограничивается предметом и контекстом исследований: причинные выводы настоящей статьи формируются на основе собственной диагностики данных РРИ-КИ, а не путем экстраполяции результатов перечисленных работ.

Отдельного внимания заслуживает вопрос измерения креативного сектора. Первым в России инструментом сопоставительной оценки креативных индустрий на региональном уровне стал «Рейтинг креативных регионов России», разработанный Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» [30]. Его блочная структура позволяет перейти от общей характеристики уровня развития к анализу соотношения между условиями, культурным ресурсом, инструментами поддержки и экономическим результатом, что и составляет предмет настоящего исследования.

Исследования Аналитического центра ВЦИОМ, опубликованные в июле–сентябре 2026 г. и посвященные восприятию креативной экономики, занятости и потреблению ее продуктов, дают дополнительный общероссийский контекст для настоящего исследования. По данным опроса, опубликованного 3 сентября 2026 г., 70% россиян считают работу в креативных индустриях престижной, а 39% хотели бы быть заняты в этой сфере [31]. В аналитическом докладе «От грантов – к инвестициям: капитал для креативных индустрий» от 01 сентября 2026 г. приведена оценка Минэкономразвития России: вклад креативных индустрий в 2025 г. составит около 8,26 трлн руб., или 4,2% ВВП [32]. В опубликованном 17 июля 2026 года обзоре потребительского поведения только 4% опрошенных прямо заявили, что приобретали продукцию или услуги креативных индустрий, тогда как фактический опыт таких покупок выявлен у 72% респондентов [33]. Эти результаты используются в настоящем исследовании исключительно как общероссийский контекст и не рассматриваются как прямое эмпирическое подтверждение арктической специфики. Для арктических регионов РФ предметом диагностики остается соотношение институциональных и инфраструктурных предпосылок с фактическим экономическим масштабом креативных индустрий.

Материалы и методы

В логике рассмотренных выше исследований развитие креативных индустрий в арктических регионах Российской Федерации рассматривается как результат взаимодействия ресурсных, институциональных, пространственных и сетевых факторов.

Вместе с тем анализ стратегических документов и целевых показателей арктических регионов выявляет методический разрыв между интегральной оценкой развития территории и управленческими решениями в региональной экономической политике. Теоретическая рамка используется как система аналитических категорий и не предполагает переноса причинных выводов внешних исследований на рассматриваемую арктическую выборку. Четыре блока регионального профиля – социально-экономические условия, культурная среда, экономика креативных индустрий и инфраструктура поддержки – заимствуются непосредственно из методологии РРИКИ [30].

Гипотеза исследования состоит в том, что регионы, близкие по уровню интегрального показателя развития креативной экономики (R), могут иметь существенно различающуюся конфигурацию структурных дисбалансов, что ограничивает применимость унифицированных инструментов региональной политики и требует учета структуры регионального профиля при выборе управленческих решений. Научная новизна заключается в предложении диагностического подхода к структурному сопоставлению компонентов регионального профиля, который позволяет перейти от интегрального ранжирования к адресному выбору инструментов региональной политики.

Эмпирическую базу исследования составил «Рейтинг креативных регионов России: 2024», разработанный Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) [30]. Российский региональный индекс креативных индустрий (РРИКИ) агрегирует 52 показателя, полученных из данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и органов исполнительной власти регионов РФ. В выборку включены восемь субъектов, отнесенных авторами РРИКИ к группе «Арктика»: Республика Саха (Якутия), Республика Карелия, Архангельская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Республика Коми, Ненецкий автономный округ и Чукотский автономный округ. Такое ограничение обеспечивает сопоставимость с опубликованной группировкой ВШЭ. При этом состав выборки не тождественен полному перечню субъектов и муниципальных территорий арктической зоны Российской Федерации. Выводы, приведенные в статье, относятся к восьми региональным профилям, выделенным в РРИКИ, не охватывают каждое муниципальное образование Арктической зоны РФ.

Методика исследования включает несколько последовательных этапов. Во-первых, осуществляется отбор сопоставимых нормированных индикаторов РРИКИ. Во-вторых, для анализа используются четыре агрегированных блока РРИКИ: социально-экономические условия, культурная среда, экономика креативных индустрий и инфраструктура поддержки. В-третьих, проводится сопоставление блоков и анализ структуры дисбалансов, включая расчет амплитуды структурной асимметрии регионального профиля.

Процедура не повторяет интегральное ранжирование, а выявляет конфигурацию дисбалансов между условиями, культурным ресурсом, институтами поддержки и фактическим экономическим масштабом креативных индустрий, что позволяет выявить относительно сильные и слабые элементы регионального профиля.

Методологические особенности исследования определяются сплошным охватом группы «Арктика» РРИКИ (все восемь регионов, выделенных в данной группировке). Агрегированные индикаторы РРИКИ задают вектор сравнительной диагностики и интерпретируются как описательные индикаторы внутренней конфигурации регионального профиля, не претендуя на установление причинно-следственных эффектов управленческих решений.

Результаты исследования

Информационную основу расчетов составили пять опубликованных значений по каждому региону: общий индекс РРИКИ (R), блок «Социально-экономические условия» (S), «Культурная среда» (C), «Экономика креативных индустрий» (E) и «Поддержка креативных индустрий» (P). Все компоненты рассчитаны в рамках единой методологии РРИКИ и представлены в нормированной шкале от 0 до 1, что позволяет использовать их для сравнительной диагностики региональных профилей.

В качестве базы сравнения при расчете индикаторов дисбаланса принят блок E. Такой выбор обусловлен тем, что он фиксирует статистически наблюдаемый масштаб сектора, тогда как остальные компоненты характеризуют условия его функционирования. Соотнесение остальных компонентов с блоком E позволяет оценить, опережают ли условия развития фактический экономический масштаб креативных индустрий, соответствуют ему или отстают от него.

Данный блок включает данные статистики, которые отражают масштаб и эффект сектора. Другие блоки – инфраструктура (институты) поддержки, культурный потенциал и социально-экономическая среда – характеризуют условия креативной экономики в регионах. На этой основе построены три индикатора структурного дисбаланса. Первый показатель G_{PE} показывает соотношение между развитием инфраструктуры поддержки и экономи-

ческим эффектом направлений креативных индустрий в регионе. Положительное значение указывает на опережение институциональной поддержки относительно фактического экономического эффекта креативных индустрий, что сигнализирует о задаче конвертации накопленного потенциала в экономические результаты, а отрицательное значение свидетельствует о дефиците институтов поддержки при относительно развитом креативном секторе.

Второй показатель G_CE отражает разрыв между культурным потенциалом и степенью капитализации в регионах. Позволяет выявить регионы, в которых требуется формирование механизмов перевода культурных ресурсов в экономические результаты. Третий показатель G_SE описывает соответствие социально-экономических условий уровню развития креативной экономики, дает возможность анализа ограничений, сдерживающих диверсификацию региональных хозяйств.

Дополнительно рассчитывается амплитуда структурной асимметрии (рассогласование компонентов регионального профиля) $A = \max(S, C, E, P) - \min(S, C, E, P)$. Показатель A интерпретируется как сводный индикатор внутренней разбалансированности регионального профиля, фиксирующий максимальный разрыв между наиболее развитым и наиболее слабым элементом креативной экосистемы независимо от доминирующего компонента. Указанные индикаторы направлены на анализ креативного сектора в региональной экономике. Это важно для оценки того, какой именно компонент региональной системы выступает драйвером развития, а какой сдерживает развитие потенциала.

Разность нормированных компонент используется как описательная мера относительного несоответствия внутри регионального профиля. Полученные оценки также зависят от принятой в РРИКИ процедуры нормирования и агрегирования исходных показателей, поэтому интерпретируются в рамках данной индексной методологии (табл. 1).

Таблица 1

Система показателей и дисбалансы

Table 1

System of indicators and imbalances

Обозначение	Содержание	Источник/расчет	Интерпретация
R	Российский региональный индекс креативных индустрий	РРИКИ [30]	Общий уровень развития
S	Социально-экономические условия	РРИКИ [30]	Общие условия и человеческий капитал
C	Культурная среда	РРИКИ [30]	Культурные ресурсы и инфраструктура
E	Экономика креативных индустрий	РРИКИ [30]	Измеримый масштаб сектора
P	Поддержка креативных индустрий	РРИКИ [30]	Институты и меры поддержки
G_PE	$P - E$	Авторский расчет	Опережение поддержки относительно экономики
G_CE	$C - E$	Авторский расчет	Опережение культурной среды относительно экономики
G_SE	$S - E$	Авторский расчет	Опережение общих условий относительно экономики
A	$\max(S, C, E, P) - \min(S, C, E, P)$	Авторский расчет	Амплитуда структурной асимметрии

Источник: разработано автором на основе методологии и данных РРИКИ [30].

В опубликованном РРИКИ [30] внутри группы «Арктика» первое место занимает Республика Саха (Якутия), второе – Республика Карелия, третье – Архангельская область. Далее следуют Ямало-Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Республика Коми, Ненецкий и Чукотский автономные округа. В общероссийском рейтинге их позиции распределены от 20-го места у Якутии до 75-го у Чукотки. Уже это распределение показывает значительную неоднородность, однако более содержательную картину дает разложение на четыре блока (табл. 2).

Таблица 2

Статистические профили арктических регионов по РРИКИ, 2024 г.

Table 2

Statistical profiles of Arctic regions by the Russian Regional Creative Industries Index, 2024

Регион	Ранг по России	R	S	C	E	P
Республика Саха (Якутия)	20	0,3042	0,1667	0,3193	0,0653	0,7131
Республика Карелия	26	0,2679	0,1019	0,3768	0,1915	0,5466
Архангельская область	42	0,2263	0,0931	0,3023	0,0450	0,5851
Ямало-Ненецкий АО	46	0,2160	0,3829	0,3411	0,0411	0,1627
Мурманская область	50	0,1918	0,2181	0,3045	0,0265	0,3275
Республика Коми	65	0,1451	0,1333	0,2353	0,0414	0,3015
Ненецкий АО	72	0,1096	0,1628	0,1324	0,0158	0,2112
Чукотский АО	75	0,1034	0,1127	0,5774	0,0319	0,0753

Источник: составлено автором по региональным профилям РРИКИ [30]

Среднее значение общего индекса R по восьми регионам составляет 0,1955. При этом средний индекс экономики креативных индустрий E равен лишь 0,0573, тогда как индекс поддержки P достигает 0,3654, культурной среды C – 0,3236, социально-экономических условий S – 0,1714. В среднем по выборке наиболее слабым блоком является именно экономически измеримый масштаб креативных индустрий. При этом важно учитывать, что поскольку нормировка компонентов РРИКИ проводилась по общероссийскому распределению, где верхнюю границу шкалы задают регионы-лидеры (Москва и Санкт-Петербург), низкие абсолютные значения блока «экономика» в арктической выборке настоящего исследования отражают не столько слабость креативного сектора, сколько его положение в общероссийской иерархии. Поэтому рассчитанные разности интерпретируются как индикаторы внутренней конфигурации регионального профиля. Это не означает, что сектор во всех регионах одинаково слаб: Республика Карелия резко выделяется значением E=0,1915, более чем втрое превышающим среднее по группе. Но общая конфигурация указывает на наличие значительного резерва конвертации институциональных, культурных и общеэкономических предпосылок в результаты сектора.

Классификация построена с учетом совокупности признаков: положения E относительно среднего по выборке, доминирующего компонента профиля, значений G_PE, G_SE и амплитуды A.

К типу «рыночная зрелость» отнесены регионы, в которых E превышает среднее по группе более чем втрое при отрицательном значении G_SE. К типу «институциональный аванс» отнесены регионы с максимальным компонентом P и G_PE >0,5. К типу «ресурсной дивергенции» отнесены регионы, в которых максимальным компонентом выступает S. К типу «некапитализированное наследие» отнесены регионы, в которых C является максимальным компонентом собственного профиля. К типу «переходная конфигурация» отнесе-

ны регионы с максимальным компонентом Р при $0,25 < G_PE < 0,35$. К типу «периферийное развитие» отнесены регионы, в которых все четыре блока ниже средних значений по группе при минимальной амплитуде структурной асимметрии А. Данная классификация воспроизводима и обеспечивает отнесение каждого региона к определенному типу профиля. Пороговые значения заданы как операциональные границы для рассматриваемой арктической выборки и используются в целях сравнительной диагностики, а не как универсальные нормативные пороги. Таким образом, региональная политика должна сместить фокус с формального наращивания институтов на обеспечение их реальной экономической отдачи, что определяет предложенную типологию региональных профилей (табл. 3).

Таблица 3

Структурные дисбалансы и типы региональных профилей

Table 3

Structural imbalances and types of regional profiles

Регион	G_PE	G_CE	G_SE	A	Диагностический тип
Республика Саха (Якутия)	0,6478	0,2540	0,1014	0,6478	Институциональный аванс
Республика Карелия	0,3551	0,1853	-0,0896	0,4447	Рыночная зрелость
Архангельская область	0,5401	0,2573	0,0481	0,5401	Институциональный аванс
Ямало-Ненецкий АО	0,1216	0,3000	0,3418	0,3418	Ресурсная дивергенция
Мурманская область	0,3010	0,2780	0,1916	0,3010	Переходная конфигурация
Республика Коми	0,2601	0,1939	0,0919	0,2601	Переходная конфигурация
Ненецкий АО	0,1954	0,1166	0,1470	0,1954	Периферийное развитие
Чукотский АО	0,0434	0,5455	0,0808	0,5455	Некапитализированное наследие

Источник: расчеты автора

Предложенная диагностика позволяет перейти от ранжирования регионов к содержательной типологии, основанной на структуре дисбалансов (табл. 3). Выделяется несколько устойчивых региональных профилей, каждый из которых предполагает управленческую логику.

Наиболее выраженный дисбаланс «поддержка – экономика» характерен для Республики Саха (Якутия) и Архангельской области. В Якутии при относительно низком индексе экономики креативных индустрий ($E=0,0653$) показатель институциональной поддержки достигает 0,7131, формируя значительную амплитуду структурной асимметрии ($A=0,6478$). Аналогичный профиль демонстрирует Архангельская область ($E=0,0450$; $P=0,5851$; $A=0,5401$). В рамках предложенной методологии такое опережение блока поддержки над экономическим блоком не следует трактовать как доказательство неэффективности управленческих решений. Возможный временной лаг между созданием институтов и появлением измеримых экономических результатов рассматривается только как гипотеза для последующей проверки на панельных данных: используемый статический срез РРИКИ не позволяет установить данный причинный механизм. В рамках предложенной матрицы для этих регионов приоритетом является повышение экономической отдачи уже сформированной инфраструктуры поддержки.

Особого внимания заслуживают показатели Республики Карелия. Регион обладает максимальным в арктической группе индексом экономики креативных индустрий ($E = 0,1915$) при единственном во всей выборке отрицательном значении дисбаланса $G_SE = -0,0896$. Это означает, что нормированное значение экономического блока Е превышает значение блока социально-экономических условий S. В рамках предложенной диагностики такое

соотношение интерпретируется как относительное отставание общих условий от экономического блока креативных индустрий.

Следовательно, в рамках рассматриваемой выборки экономический блок креативных индустрий может быть относительно сильнее блока общих социально-экономических условий. Для Республики Карелия тип «рыночная зрелость» определяется исключительно по формальному правилу классификации: значение E более чем втрое превышает среднее E по арктической группе, а G_SE имеет отрицательное значение. Такая конфигурация указывает на сравнительно высокий экономически измеримый масштаб сектора при относительно более слабом блоке общих социально-экономических условий и служит основанием для акцента на масштабировании компаний, производительности и расширении рынков.

Противоположную модель представляет Ямало-Ненецкий автономный округ. Регион располагает максимальным в выборке значением социально-экономических условий ($S=0,3829$) и высоким значением культурной среды ($C=0,3411$), при этом индекс экономики креативных индустрий остается низким ($E=0,0411$). Дисбаланс G_SE достигает $0,3418$, что является наибольшей величиной среди рассматриваемых арктических территорий. Относительно небольшое значение $G_PE=0,1216$ формируется при невысоком значении $P=0,1627$ и одновременно низком $E=0,0411$. Такую конфигурацию нельзя автоматически трактовать как следствие ресурсной специализации: используемые индексные данные не идентифицируют причинный механизм. Поэтому термин «ресурсная дивергенция» используется в настоящей статье исключительно как описательное обозначение разрыва между высоким значением S и низким значением E . В рамках предложенной матрицы приоритетом региональной политики становится включение компаний креативных индустрий в локальный, корпоративный и межрегиональный спрос.

Наглядной иллюстрацией гипотезы служит сопоставление Ямало-Ненецкого автономного округа и Архангельской области. Оба региона близки по интегральному индексу креативной экономики ($R=0,2160$ и $R=0,2263$ соответственно, разница составляет всего $0,0103$) и занимают 46-е и 42-е места в общероссийском ранжировании. Однако их структурные профили оказываются противоположными. В Архангельской области доминирует дисбаланс «поддержка-экономика» ($G_PE=0,5401$), тогда как в ЯНАО – дисбаланс «условия-экономика» ($G_SE=0,3418$). Амплитуда структурной асимметрии также различается более чем в полтора раза ($A=0,5401$ и $A=0,3418$). Таким образом, близость интегральных оценок показывает разную природу ограничений. В одном регионе требуется коммерциализация накопленной институциональной инфраструктуры, а в другом встраивание креативного предпринимательства в корпоративный и городской спрос ресурсно-ориентированной экономики. Данный пример иллюстрирует, что различия в конфигурации структурных дисбалансов связаны с различиями в рекомендуемых акцентах региональной политики.

Дополнительной иллюстрацией гипотезы в рамках той же выборки служит несоответствие ранговых порядков по интегральному индексу R и амплитуде структурной асимметрии A . Чукотский автономный округ занимает последнее 75-е место в общероссийском рейтинге по R , но второе по величине A ($0,5455$) в арктической группе, тогда как Республика Карелия – вторая в группе по R , но лишь четвертая по A . Это означает, что низкий интегральный индекс сам по себе не определяет степень разбалансированности профиля, и управленческие задачи для регионов с близкими общими оценками могут радикально различаться.

Промежуточный профиль характерен для Мурманской области и Республики Коми, где показатель G_PE составляет $0,3010$ и $0,2601$ соответственно. В обоих случаях компонент поддержки P является максимальным элементом профиля, а разрыв $P-E$ находится

в установленном для типа «переходная конфигурация» интервале $0,25 < G_PE < 0,35$. Поэтому управленческий акцент в рамках предложенной диагностической матрицы смещается с расширения набора мер на повышение хозяйственной результативности уже действующей поддержки: проектное сопровождение, связку туризма с креативными продуктами и развитие предпринимательских компетенций. Данный вывод следует из правил авторской типологии и рассчитанной структуры профилей, а не из переноса результатов ранее опубликованных кейс-исследований.

Особое положение в выборке исследования занимает Ненецкий автономный округ, демонстрирующий низкие значения по всем анализируемым блокам ($E=0,0158$, $C=0,1324$, $S=0,1628$, $P=0,2112$). Минимальная в выборке амплитуда структурной асимметрии ($A=0,1954$) отражает сравнительно небольшой разброс между низкими значениями компонентов и сочетается с малым масштабом блока E . В рамках авторской типологии такой профиль отнесен к «периферийному развитию», для которого предлагаются формирование базовой инфраструктуры, сетевые сервисы, дистанционные форматы и межрегиональная кооперация. Эти направления являются нормативной интерпретацией выявленной конфигурации показателей и требуют последующей оценки результативности на региональных данных.

Наибольший контраст демонстрирует Чукотский автономный округ, где наблюдается резкий дисбаланс между культурным потенциалом и его экономической реализацией. При низких значениях $E=0,0319$, $P=0,0753$ и $S=0,1127$ индекс культурной среды C достигает абсолютного максимума в выборке.

Регион описывает модель некапитализированного культурного капитала. Территория обладает уникальным ресурсом, который пока не получил адекватного экономического масштабирования и не интегрирован в устойчивые рыночные цепочки.

Дисбалансы наглядно представлены на рис., который визуализирует соотношение индексов институциональной поддержки и фактические показатели экономики креативных индустрий по арктической выборке РФ.

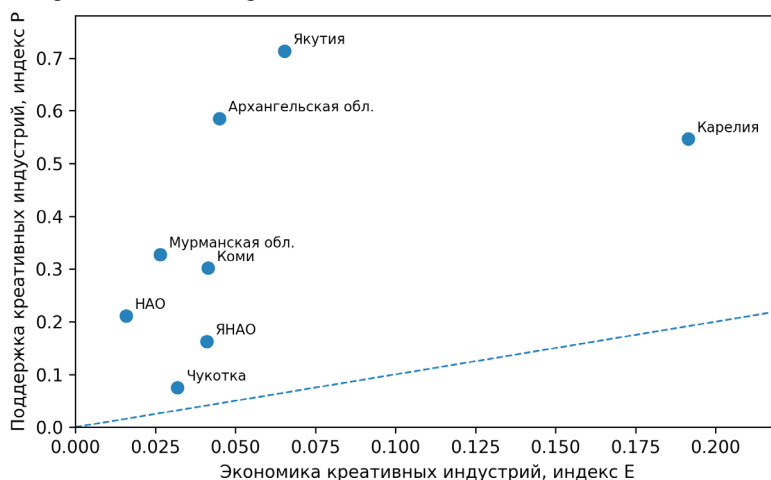

Рис. Соотношение индексов поддержки и экономики креативных индустрий в арктических регионах

Fig. Support and creative-industries economy indices in Arctic regions

Примечание: пунктирная линия соответствует линии равенства $P=E$. Расположение точки выше линии означает превышение индекса поддержки над индексом экономики креативных индустрий ($G_PE=P-E>0$). Линия используется как визуальный ориентир.

Источник: рассчитано автором по данным [30]

Выявленный дисбаланс (рис. 1) показывает необходимость соотносить меры региональной поддержки с фактическими экономическими результатами креативных индустрий и обеспечивать конвертацию созданных предпосылок в устойчивый бизнес и добавленную стоимость в арктических регионах России.

Согласно данным РРИКИ, Чукотка лидирует в России по числу проектов-победителей конкурса комфортной городской среды и вместе с Ненецким округом входит в тройку по обеспеченности инклюзивными творческими лабораториями [30]. Это позволяет предположить, что низкое агрегированное значение P может отражать фрагментарность инфраструктурной базы, а не полное отсутствие инициатив. В рамках типа «некапитализированное наследие» приоритетом становится целенаправленная экономическая реализация сильной культурной среды: развитие локальных брендов, каналов сбыта, креативного туризма и партнерств с внешними рынками. При цифровизации и коммерциализации культурных ресурсов необходимо предусматривать участие носителей традиционных знаний и механизмы защиты культурных прав.

Конкретные направления региональной политики для каждого выявленного типа профилей систематизированы в табл. 4. Типология построена исключительно на структурных признаках и статистических показателях РРИКИ; внешние исследования не используются как источник правил классификации. Правила обеспечивают воспроизводимое отнесение регионов в рамках рассматриваемой выборки. Их перенос на иные субъекты Российской Федерации требует использования сопоставимой системы показателей и определения референтной группы.

Таблица 4

Типологическая матрица региональной политики

Table 4

Typological matrix of regional policy

Тип профиля	Характеристика профиля	Приоритетные инструменты	Основной показатель
Институциональный аванс	P – максимальный компонент; $G_PE > 0,5$	акселерация продаж; закупки; экспорт и межрегиональные рынки; интеллектуальная собственность; оценка отдачи кластеров	рост выручки и занятости
Рыночная зрелость	$E > 3 \times$ среднего E по группе; $G_SE < 0$	масштабирование компаний; производительность; экспорт; межотраслевая кооперация	валовая добавленная стоимость и производительность
Ресурсная дивергенция	S – максимальный компонент профиля	корпоративный спрос; городские заказы; гранты на коммерциализацию; площадки доступа к рынку	доля МСП в новых цепочках
Некапитализированное наследие	C – максимальный компонент профиля	локальные бренды; цифровые витрины; туризм; защита интеллектуальной собственности и культурных прав; внешние партнерства	выручка локальных продуктов
Переходная конфигурация	P – максимальный компонент; $0,25 < G_PE < 0,35$	проектное сопровождение; туризм + креативные продукты; обучение предпринимательству	число устойчивых субъектов

Тип профиля	Характеристика профиля	Приоритетные инструменты	Основной показатель
Периферийное развитие	S, C, E, P ниже средних по группе; A минимальна	базовая инфраструктура; сетевые сервисы; дистанционные форматы; межрегиональная кооперация	число субъектов и доступ к рынкам

Примечание. Отнесение регионов к диагностическим типам выполнено по правилам, приведенным выше: «рыночная зрелость» – E более чем втрое превышает среднее значение по группе при $G_SE < 0$; «институциональный аванс» – P является максимальным компонентом профиля при $G_PE > 0,5$; «ресурсная дивергенция» – S является максимальным компонентом профиля; «некапитализированное наследие» – C является максимальным компонентом профиля; «переходная конфигурация» – P является максимальным компонентом при $0,25 < G_PE < 0,35$; «периферийное развитие» – все четыре компонента ниже средних значений по группе при минимальной амплитуде A.

Источник: расчеты автора

Предложенная матрица (табл. 4) позволяет органам регионального управления переходить от универсальных мер к адресным решениям, учитывающим специфику структурных дисбалансов конкретной территории. Конкретизация адресных управленческих решений достигается через типологию региональных профилей, построенную на основе выявленной конфигурации структурных дисбалансов.

Предлагаем следующую классификацию. К типу «*институциональный аванс*» относятся Республика Саха (Якутия) и Архангельская область, где приоритетом становится коммерциализация накопленного потенциала и масштабирование успешных практик. Республика Карелия формирует профиль «*рыночной зрелости*», требующий роста производительности и развития экспортного потенциала. Ямало-Ненецкий автономный округ представляет тип «*ресурсной дивергенции*», где центральной задачей становится встраивание малого и среднего предпринимательства в области креативных индустрий и туризма в корпоративный и городской спрос. Чукотский автономный округ имеет особый профиль «*некапитализированного наследия*», требующий цифровой и сетевой капитализации культурного ресурса. Мурманская область и Республика Коми занимают переходную конфигурацию, где приоритетом становится интеграция институциональной поддержки с рыночными каналами. Ненецкий автономный округ представляет тип «*периферийного развития*», где первичной задачей является формирование базовых рыночных условий и межрегиональной кооперации.

Заключение

Проведенная диагностика показывает, что креативную экономику российской Арктики необходимо оценивать через конфигурацию структурных дисбалансов, а не только по интегральному рангу. Анализ профилей РРИКИ выявил дисбаланс: средний индекс экономики ($E=0,0573$) заметно отстает от индексов поддержки ($P=0,3654$) и культурной среды ($C=0,3236$). Это фиксирует существенный разрыв между институциональными и культурными предпосылками и экономическим блоком в рамках РРИКИ.

Выявленная структурная гетерогенность арктических регионов Российской Федерации указывает на ограниченность унифицированных подходов к развитию креативной экономики, диктуя необходимость привязки управленческих решений к типу регионального дисбаланса. Так, для Республики Саха (Якутия) и Архангельской области приоритетом становится не создание новой инфраструктуры, а коммерциализация уже существующей. Республика Карелия демонстрирует потенциал креативного сектора как направления ро-

ста. Ямало-Ненецкий автономный округ требует интеграции творческого малого и среднего предпринимательства в корпоративный спрос для преодоления эффекта «ресурсной дивергенции», в Чукотском автономном округе необходима цифровая и сетевая капитализация культурного наследия. Практическая ценность работы заключается в том, что матрица связывает выявленные структурные дисбалансы с приоритетными направлениями региональной политики.

Результаты проведенной диагностики согласуются с гипотезой исследования. Межрегиональные различия проявляются не только в значениях интегрального показателя, но и в конфигурации структурных дисбалансов. В исследовании предложен инструмент структурной диагностики, который операционализирует концепцию креативной экосистемы через измерение конфигурации межкомпонентных разрывов. Такой подход позволяет сместить управленческий фокус с институтов на мониторинг «последней мили» поддержки. Это этап, на котором созданные институциональные инструменты (фонды, грантовые программы, кластеры, коворкинги) доходят до конечного субъекта – малого творческого предприятия, индивидуального предпринимателя или самозанятого – и конвертируются в устойчивые бизнес-модели, рабочие места, рост занятости и создание добавленной стоимости.

На этом этапе формируется разрыв между институциональной инфраструктурой и экономическим эффектом. Возможна ситуация, при которой наличие развитой институциональной инфраструктуры не сопровождается сопоставимым экономическим масштабом креативного сектора.

Мониторинг «последней мили» предполагает дополнение индикаторов (охват, число проведенных мероприятий, сумма выданных грантов) показателями результативности (доля устойчивых субъектов бизнеса в области креативных индустрий, прошедших стадию выживания, динамика выручки, уровень экспорта, количество зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности, объем добавленной стоимости, остающейся в регионе). Предлагаемая диагностика задает последовательность дальнейшей диагностики для адресной региональной политики для арктических регионов России.

Полученные результаты приобретают особую значимость в контексте стратегических решений, принятых в сентябре 2026 года на Восточном экономическом форуме и закреплённых в Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года. Актуализированный стратегический контур развития Дальнего Востока открывает новые макроэкономические возможности для арктических территорий, входящих в состав ДФО, однако их реализация диктует необходимость индивидуальных траекторий, учитывающих фундаментальные различия в структуре креативных экосистем. При этом для шести регионов выборки, не входящих в состав ДФО (Республика Карелия, Архангельская область, Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область, Республика Коми, Ненецкий АО), предложенная диагностика сохраняет значение в общероссийском арктическом контексте. Таким образом, результаты исследования могут использоваться при обосновании дифференцированных направлений региональной политики для обеих групп территорий.

Рассчитанные дисбалансы основаны на нормированных компонентах единой методологии и носят исключительно сравнительно-диагностический характер, не претендуя на установление нормативно «оптимального» соотношения между элементами региональной креативной системы. В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований является расширение выборки за счет включения арктических муниципальных образо-

ваний других субъектов Российской Федерации, а также формирование панельных данных за несколько лет после внедрения единой федеральной методики расчета доли креативных индустрий в экономике. Это позволит перейти от статического среза к динамическому анализу, сопоставить траектории развития регионов с расходами и инструментами поддержки, а также эмпирически проверить временные лаги между институциональными решениями и экономическими результатами. Дополнительным вектором развития методологии может стать международное сопоставление арктических креативных экосистем России с зарубежными арктическими территориями, что обогатит аналитическую рамку исследования кросс-культурными и институциональными контекстами.

Литература

1. Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. *Подведены итоги Восточного экономического форума–2026*. 05.09.2026. URL: <https://erdc.ru/ko/news/podvedeny-itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2026> (дата обращения: 08.09.2026).
2. Официальный интернет-портал правовой информации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.09.2026 № 2404-р. Стратегия социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа до 2030 года с прогнозом до 2036 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202609070009> (дата обращения: 08.09.2026).
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (дата обращения: 08.09.2026).
4. Приказ Минэкономразвития России от 25.07.2025 № 487 «Об утверждении методики расчета показателя «Доля креативных (творческих) индустрий в экономике». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510934/ (дата обращения: 08.09.2026).
5. Пилясов А.Н. Состав арктических территорий для государственной поддержки: куда идти? *Арктика и Север*. 2024;56:92-111. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.56.92.
6. Земсков В.В., Прасолов В.И., Худяков Д.С., Канашина А.И., Тимофеев Е.А. Оценка вклада Арктической зоны в экономическое развитие страны. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(2):160–174. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-160-174.
7. Потравный И.М., Питухина М.А., Белых А.Д. Этнотуризм в оценках экономического и социального благополучия населения в Арктике. *Арктика: экология и экономика*. 2025;15(1):143–155. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-1-143-155.
8. Михайлова А.В., Федорова А.В., Петрова Н.Н., Петрова Н.И. Оценка потенциала креативных индустрий в Арктике Российской Федерации. *Креативная экономика*. 2024;18(3):675–696. DOI: 10.18334/ce.18.3.120607.
9. Михайлова А.В. Ключевые детерминанты экосистемы креатосферы для Арктики России. *Власть и управление на Востоке России*. 2024;2(107):73–85. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-73-85.
10. Карпова Г.А., Михайлова А.В. Развитие креативной экономики в условиях Индустрии 6.0: стратегии для развития территорий арктического региона Российской Федерации. *Арктика: экология и экономика*. 2025;15(4):580–591. DOI: 10.25283/2223-4594-2025-4-580-591.
11. Карпова Г.А., Михайлова А.В. Креативная экономика как фактор диверсификации социально-экономического развития арктического региона: кейс Мурманской области. *Экономика, предпринимательство и право*. 2026;16(1):277–296. DOI: 10.18334/ep.16.1.124489.
12. Михайлова А.В. Арктическая креативная экономика в региональной экономике: кейс Архангельской области. *Экономика, предпринимательство и право*. 2026;16(2):959–978. DOI: 10.18334/ep.16.2.124582.
13. Шихвердиев А.П., Вишняков А.А., Оганезова Н.А. Эффективность государственных механизмов поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях Арктики (на примере Республики Коми). *Арктика и Север*. 2025;58:102–116. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.102.
14. Сокорнов И.Н. Методология исследования креативных индустрий. *Креативная экономика*. 2025;19(2):277–302. DOI: 10.18334/ce.19.2.122560.
15. Batabyal A.A., Beladi H. Political power shifts, varying tax policy, and economic outcomes in a creative region. *Papers in Regional Science*. 2025;104(1):100065. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100065.

16. Duxbury N., Durrer V., Sitas R. Cultural policy actions towards urban sustainability: Research and practice collaborations. *City, Culture and Society*. 2024; 37:100584. DOI: 10.1016/j.ccs.2024.100584.
17. Gidage M., Bhidé S. Exploring the nexus between intellectual capital, green innovation, sustainability and financial performance in creative industry MSMEs. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*. 2025;19(3):457–484. DOI: 10.1108/JEC-07-2024-0134.
18. Gong H., Yu Z., Hassink R. Differentiated knowledge bases and catch-up in creative industries: A case of the online game industry in China. *Geoforum*. 2023; 141:103730. DOI: 10.1016/j.geoforum.2023.103730.
19. Goya D. Marshallian and Jacobian externalities in creative industries: Evidence from Chile. *Papers in Regional Science*. 2024;103(4):100028. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100028.
20. Roberts L., Lowe J. The spatial imaginaries of creative clusters: Examining the role of R&D programs in creative placemaking. *Geoforum*. 2024; 154:104066. DOI: 10.1016/j.geoforum.2024.104066.
21. Pyykkönen M., De Beukelaer C. What is the role of creative industries in the Anthropocene? An argument for planetary cultural policy. *Poetics*. 2025; 109:101971. DOI: 10.1016/j.poetic.2025.101971.
22. Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions. *Resources Policy*. 2020; 65:101547. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101547.
23. Lu Y., Qian J. Rural creativity for community revitalization in Bishan Village, China: The nexus of creative practices, cultural revival, and social resilience. *Journal of Rural Studies*. 2023; 97:255–268. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.12.017.
24. Ren C., Jóhannesson G.T., Ásgeirsson M.H., Woodall S., Reigner N. Rethinking connectivity in Arctic tourism development. *Annals of Tourism Research*. 2024; 105:103705. DOI: 10.1016/j.annals.2023.103705.
25. Suriyankietkaew S., Krittayaruangroj K., Thinthan S., Lumlongrut S. Creative tourism as a driver for sustainable development: A model for advancing SDGs through community-based tourism and environmental stewardship. *Environmental and Sustainability Indicators*. 2025; 27:100828. DOI: 10.1016/j.indic.2025.100828.
26. Roberts L., Lowe J., Moreton S. Unpacking the university-creative economy assemblage: The discourses, dynamics and possibilities of creative R&D programs. *City, Culture and Society*. 2025; 41:100637. DOI: 10.1016/j.ccs.2025.100637.
27. Roturier S., Beau R. Digital technologies and ILK in the Arctic: In search of epistemological pluralism. *Environmental Science & Policy*. 2022; 133:164–171. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.03.025.
28. Sica G., Palazzo M., Micozzi A., Ferri M.A. Leveraging on cultural and creative industries to foster social innovation: A bibliometric analysis. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2025;10(1):100649. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100649.
29. Viganò F., England L., Comunian R. Connecting craft, design and the wood industry in South Tyrol: From clusters to creative ecosystem. *Journal of Rural Studies*. 2023; 104:103149. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103149.
30. Гохберг Л.М., Боос В.О., Боякова К.Н., Куценко Е.С. и др. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ; 2025. 200 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3033-7.
31. ВЦИОМ. Креатив как «новая нефть». 03.09.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreativ-kak-novaja-neft> (дата обращения: 14.09.2026).
32. Аналитический центр ВЦИОМ. От грантов – к инвестициям: капитал для креативных индустрий. 01.09.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-grantov-k-investicijam> (дата обращения: 14.09.2026).
33. ВЦИОМ. Покупая креативное. 17.07.2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupaja-kreativnoe> (дата обращения: 14.09.2026).

References

1. Far East and Arctic Development Corporation. Results of the Eastern Economic Forum 2026. 5 September 2026. Available at: <https://erdc.ru/ko/news/podvedeny-itogi-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2026/> (accessed: 08 September 2026) (in Russian).
2. Government of the Russian Federation. Order No. 2404-r of 7 September 2026. Strategy for Socio-Economic Development of the Far Eastern Federal District until 2030 with a Forecast until 2036. Official Internet Portal of Legal Information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202609070009> (accessed: 08 September 2026) (in Russian).

3. Federal Law of the Russian Federation No. 330-FZ of 8 August 2024 on the Development of Creative Industries in the Russian Federation. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482580/ (accessed: 08 September 2026) (in Russian).
4. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Order No. 487 of 25 July 2025 on Approval of the Methodology for Calculating the Indicator 'Share of Creative Industries in the Economy'. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_510934/ (accessed: 08 September 2026) (in Russian).
5. Pilyasov A.N. Composition of Arctic territories for state support: where to go? *Arctic and North*. 2024;56:92–111 (in Russian). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.56.92.
6. Zemskov V.V., Prasolov V.I., Khudyakov D.S., et al. Assessment of the contribution of the Arctic zone to the country's economic development. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(2):160–17 (in Russian). DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-160-174.
7. Potravny I.M., Pitukhina M.A., Belykh A.D. Ethnotourism in assessments of economic and social well-being of the population in the Arctic. *Arctic: Ecology and Economy*. 2025;15(1):143–155 (in Russian). DOI: 10.25283/2223-4594-2025-1-143-155.
8. Mikhaylova A.V., Fedorova A.V., Petrova N.N., Petrova N.I. Assessing the potential of creative industries in the Russian Arctic. *Creative Economy*. 2024;18(3):675–696 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.18.3.120607.
9. Mikhaylova A.V. Key determinants of the kreatosphere ecosystem for the Arctics of Russia. *Power and Administration in the East of Russia*. 2024;2(107):73–85 (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2024-107-2-73-85.
10. Karpova G.A., Mikhaylova A.V. Development of the creative economy in the context of Industry 6.0: strategies for the development of the territories of the Arctic region of the Russian Federation. *Arctic: Ecology and Economy*. 2025;15(4):580–591 (in Russian). DOI: 10.25283/2223-4594-2025-4-580-591.
11. Karpova G.A., Mikhaylova A.V. Creative economy as a diversification factor of socio-economic development of the Arctic region: the case of the Murmansk region. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2026;16(1):277–296 (in Russian). DOI: 10.18334/epp.16.1.124489.
12. Mikhaylova A.V. The Arctic creative economy in the regional economy: the case of the Arkhangelsk region. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2026;16(2):959–978 (in Russian). DOI: 10.18334/epp.16.2.124582.
13. Shikhverdiev A.P., Vishnyakov A.A., Oganezova N.A. Efficiency of state mechanisms for supporting small and medium-sized businesses in the Arctic: the case of the Komi Republic. *Arctic and North*. 2025;(58):102–116 (in Russian). DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.102.
14. Sokornov I.N. Methodology for the study of creative industries. *Creative Economy*. 2025;19(2):277–302 (in Russian). DOI: 10.18334/ce.19.2.122560.
15. Batabyal A.A., Beladi H. Political power shifts, varying tax policy, and economic outcomes in a creative region. *Papers in Regional Science*. 2025;104(1):100065. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100065.
16. Duxbury N., Durrer V., Sitas R. Cultural policy actions towards urban sustainability: Research and practice collaborations. *City, Culture and Society*. 2024; 37:100584. DOI: 10.1016/j.ccs.2024.100584.
17. Gidage M., Bhide S. Exploring the nexus between intellectual capital, green innovation, sustainability and financial performance in creative industry MSMEs. *Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy*. 2025;19(3):457–484. DOI: 10.1108/JEC-07-2024-0134.
18. Gong H., Yu Z., Hassink R. Differentiated knowledge bases and catch-up in creative industries: A case of the online game industry in China. *Geoforum*. 2023; 141:103730. DOI: 10.1016/j.geoforum.2023.103730.
19. Goya D. Marshallian and Jacobian externalities in creative industries: Evidence from Chile. *Papers in Regional Science*. 2024;103(4):100028. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100028.
20. Roberts L., Lowe J. The spatial imaginaries of creative clusters: Examining the role of R&D programs in creative placemaking. *Geoforum*. 2024; 154:104066. DOI: 10.1016/j.geoforum.2024.104066.
21. Pykkönen M., De Beukelaer C. What is the role of creative industries in the Anthropocene? An argument for planetary cultural policy. *Poetics*. 2025; 109:101971. DOI: 10.1016/j.poetic.2025.101971.
22. Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions. *Resources Policy*. 2020;65:101547. DOI: 10.1016/j.resourpol.2019.101547.
23. Lu Y., Qian J. Rural creativity for community revitalization in Bishan Village, China: The nexus of creative practices, cultural revival, and social resilience. *Journal of Rural Studies*. 2023;97:255–268. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.12.017.

24. Ren C., Jóhannesson G.T., Ásgeirsson M.H., Woodall S., Reigner N. Rethinking connectivity in Arctic tourism development. *Annals of Tourism Research*. 2024;105:103705. DOI: 10.1016/j.annals.2023.103705.
25. Suriyankietkaew S., Krittayaruangroj K., Thinthan S., Lumlongrut S. Creative tourism as a driver for sustainable development: A model for advancing SDGs through community-based tourism and environmental stewardship. *Environmental and Sustainability Indicators*. 2025;27:100828. DOI: 10.1016/j.indic.2025.100828.
26. Roberts L., Lowe J., Moreton S. Unpacking the university-creative economy assemblage: The discourses, dynamics and possibilities of creative R&D programs. *City, Culture and Society*. 2025;41:100637. DOI: 10.1016/j.ccs.2025.100637.
27. Roturier S., Beau R. Digital technologies and ILK in the Arctic: In search of epistemological pluralism. *Environmental Science & Policy*. 2022;133:164–171. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.03.025.
28. Sica G., Palazzo M., Micozzi A., Ferri M.A. Leveraging on cultural and creative industries to foster social innovation: A bibliometric analysis. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2025;10(1):100649. DOI: 10.1016/j.jik.2024.100649.
29. Viganò F., England L., Comunian R. Connecting craft, design and the wood industry in South Tyrol: From clusters to creative ecosystem. *Journal of Rural Studies*. 2023;104:103149. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2023.103149.
30. Gokhberg L.M., Boos V.O., Boyakova K.N., Kutsenko E.S., et al. Creative Regions Ranking of Russia: 2024. Moscow: ISSEK HSE University; 2025:200 (in Russian). DOI: 10.17323/978-5-7598-3033-7.
31. VCIOM. Creative as the ‘new oil’. 3 September 2026. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kreativ-kak-novaja-neft> (accessed: 14 September 2026) (in Russian).
32. VCIOM Analytical Center. From grants to investments: capital for creative industries. 01 September 2026. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-grantov-k-investicijam> (accessed: 14 September 2026) (in Russian).
33. VCIOM. Buying creative. 17 July 2026. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupaja-kreativnoe> (accessed: 14 September 2026) (in Russian).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Анна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент Финансово-экономического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3110-7017; Researcher ID: I-9326-2018; Scopus Author ID: 57197791538; SPIN-код: 6879-9289; e-mail: av.mikhailova@s-vfu.ru

Information about the authors

MIKHAILOVA Anna Viktorovna – Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3110-7017; Researcher ID: I-9326-2018; Scopus Author ID: 57197791538; SPIN: 6879-9289; e-mail: av.mikhailova@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Поступила в редакцию / Submitted 03.08.2026

Поступила после рецензирования / Revised 10.09.2026

Принята к публикации / Accepted 21.09.2026